

Романчук Иван Сергеевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Института государства и права
Тюменского государственного университета

Историческая эволюция концепции государственного суверенитета в европейской традиции права

Романчук І. С. Історична еволюція державного суверенітету в європейській традиції права

У статті простежується генезис концепції суверенітету в європейській традиції права. При цьому суверенітет розглядається з точки зору персоналістської, демократичної концепцій та концепції іманентної державної волі, на основі теорії індивідуальних методологічних рядів.

Ключові слова: суверенітет, історична еволюція, державна влада, демократія.

Суверенитет — это одна из самых политически острых проблем, к которой систематически апеллируют разные акторы. Под эгидой суверенитета свершаются самые различные политические акции и мероприятия, а иногда даже различные злодеяния. Многие пользуются суверенитетом с целью проведения политических диверсий между странами или народами.

Нельзя, однако, утверждать, что суверенитет не попадал в поле зрения ученых, напротив, с момента появления он привлекал и до сих пор привлекает внимание исследователей. Проблематика суверенитета власти нашла отражение в трудах выдающихся мыслителей. Прежде всего это Жан Боден и его работы «Метод лёгкого познания истории», «Шесть книг о государстве» и другие, посвященные, конечно же, обоснованию монархического суверенитета (персоналистическая концепция). Георг Еллинек в своем фундаментальном произведении «Право современного государства» уделяет значительное внимание данной проблематике и рассматривает причины появления суверенитета. Нельзя обойти вниманием и работу Иосифа Давыдовича Левина «Суверенитет», где понятие суверенитета трактуется как состояние полновластия государства. Из современных авторов можно отметить Николая Ивановича Грачева и его монографическое исследование «Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества», в которой детально обосновывается необходимость и важность

данного признака верховной власти, а также его связь с сакральной традицией общества и т. д.

Изучение же обозначенных контроверз мы будем строить на основе выбранной нами эпистемологической парадигмы, а точнее, принципа методологической индифферентности [4].

В научной литературе уже давно развиваются идеи безграничного и неделимого суверенитета в различных концепциях. Прежде всего это персоналистическая, демократическая и имманентная государственной воли теории, которые нам и предстоит рассмотреть. Однако никто из ученых не задумывался о том, что это крайне противоположные идеи. Между тем параллельно развивается проблема ограничения государственной власти. Европейские мыслители как прошлого, так и настоящего, особенно с зарождением естественной школы права, доказывают необходимость ограничения власти в интересах народа. Развиваются различные теории и способы такого ограничения, но по существу об этом далее.

Известное высказывание Ш. Л. Монтескье в его знаменитом произведении «О духе законов» гласит: «...Всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела» [6, с. 289]. К сожалению, история предоставляет нам только доказательства данного тезиса величайшего ученого прошлого. В свою очередь, учение о суверенитете во всех трех теориях, о которых пойдет речь ниже, настаивает на верховенстве государственной власти. Верховенство же, как всем известно, означает, что выше власти в государстве нет никакой другой власти, все другие власти производны от государственной.

В связи с этим возникает вопрос, не является ли ограничение власти (правом, законом, гражданским обществом и т.д.) нарушением одного из главных признаков государственной власти — суверенитета, отличающего ее от других властных отношений? То есть является ли безграничное властвование (или попросту властный произвол) проявлением государственной закономерности, связанной с обладанием властью, таким ее признаком, как суверенитет.

Итак, возможно ли существование суверенитета государства и при этом наличие реальных ограничений власти. Необходимо также отметить, что ограничения государственной власти, как и сама власть, если строго следовать выбранной нами методологии, имеют методологическую двуликость. Так, ограничения, рассматриваемые как суждения, входящие в правовую норму и устанавливающие связь между понятиями [4, с. 34–35, 13–14], несомненно, находятся в ряду, чуждом всякой онтологии. Ограничения же психологические, социологические, политические и исторические, то есть реальные, конечно же, и сами движутся в реальном ряду. В данном исследовании нас интересуют только реальные ограничения власти. Суверенитет же находится в ирреальном ряду. Здесь мы не будем доказывать данного утверждения, так как это уже сделал И. А. Ильин [4, с. 35].

Суверенитет в различные периоды развития европейского общества имел специфические оттенки понимания. Нам известны три наиболее распространенные теории суверенитета в истории политической и правовой мысли. Подробней представим соотношение ограничений власти с тремя различными концепциями понимания суверенитета.

1. Начнем с того, что суверенитет возник не как плод «кабинетной научной работы и беспристрастного философского размышления, но явился результатом суровой борьбы государств европейской культуры за свое самосохранение и самоутверждение» [1, с. 122]. Как писал Г. Еллинек, «не мыслители, чуждые жизни, открыли его в своих ученых кабинетах — его создали те великие силы, борьба которых составила содержание ряда столетий» [3, с. 317]. Античная государственность не знала сил, которые конкурировали бы с ней в своей власти; когда в средние века с государством стали конкурировать церковь, вселенская идея римской империи и, наконец, крупные властные единицы феодального общества (ленные владельцы, корпорации), когда выявилась «противоположность между государственной властью и другими властями», тогда государство и начало утверждать свое верховенство, свое преимущественное право власти, именуемое суверенитетом» [1, с. 123]. В теории суверенитета сначала выступали персоналистические воззрения. Так возникла уже в средние века теория, наделяющая «полнотою власти» в государстве единоличного властителя (доктрина монархического суверенитета) [1, с. 123]. Например, согласно формуле Людовика XIV, которую он заключил на заседании парламента Франции в апреле 1655 г., обращаясь к депутатам, «государство — это я» [7].

Именно согласно данной формуле суверенитет стал отличительным признаком государства, который впервые выдвинул Жан Боден, определивший «суверенитет как безусловную, ничем не ограниченную и ничем не обусловленную власть» [5, с. 214].

Соответственно данная теория, на первый взгляд, категорически не допускает возможности одновременного существования реальных ограничений власти и наличия суверенитета государства, то есть либо признание за государством, в том числе и народом, суверенитета, либо необходимости наличия реальных ограничений власти. Но тот, кто так рассуждает, совершает недопустимое, с точки зрения методологии, введение в ирреальный ряд реальной категории силы. В связи с тем, что суверенитет рассматривается как реальное свойство государства, то есть суверенитет, как любое свойство, помещается в онтологический ряд, так как свойство — это внешнее выражение качества явления, или то, чем обладает и проявляет себя в объективной действительности это явление. Поэтому правильнее следует говорить о невозможности существования суверенитета и реальных ограничений власти в одном методологическом ряду. Поэтому суверенитет как признак власти, находясь в ирреальном ряду, то есть только как понятие, выводимое из суждений, как мысленный и в связи с этим только

гипостазируемый, но не реальный и поэтому только предполагает безграничную, никем и ничем не ограниченную власть. В реальных рядах власть всегда дойдет до определенного предела, остановится под давлением внешних объективных факторов.

2. В пылу борьбы против абсолютизма и авторитаризма была сформулирована противоположная первой теории концепция демократического (народного) суверенитета, утверждающая, что верховным властителем в государстве является весь народ, другие же «власти» в государстве занимают по отношению к нему положение не самостоятельное, а производное [1, с. 123].

На первый взгляд, данная теория в силу своей демократичности допускает возможность существования и суверенитета, и ограничений государственной власти, так как эта власть — производная от народной, которая, в свою очередь, безраздельна и не может быть ограничена, что идеально вписывается в конструкцию суверенитета верховной власти. При ближайшем же рассмотрении эта концепция является в корне не состоятельной и так же, как и первая, методологически не выдержана. Во-первых, потому, что, по существу, принадлежность и осуществление суверенной власти народом — это фикция, вымысел никогда не существовавшей власти народа, так как народ невозможно определить ни в количественном, ни в качественном отношении. Более того, невозможно дать утвердительные ответы на такие вопросы: какое количество человек может образовать народ? существует ли народ города? Что образует народ, кроме совместного проживания на территории? Существуют ли качественные признаки народа? и т.д. [8, с. 97]. И тем более осуществлять власть субъектом, которого нельзя определить, еще невероятнее. Во-вторых, даже на самых демократических выборах часть голосов избирателей остается неучтенной. Совершенно справедливо по этому поводу В. А. Четвернин замечает, что «... суверенитет не может принадлежать народу, если он принадлежит государству как организации публичной политической власти, не совпадающей с народом. ... Народный суверенитет — это конструкция из утопического учения Ж.-Ж. Руссо ...» [9, с. 563].

Поэтому концепция демократического (народного) суверенитета не только не совместима с ограничениями власти, а попросту является вымыслом, не имевшим, не имеющим и никогда в будущем не имеющим реального воплощения.

3. Впоследствии появляется совершенно другая идея, которая рассматривает суверенитет на основе теории имманентной государственной воли. Данная теория развивается тогда, когда была предпринята попытка обособить ее уже не на понятии отношения. «Суверенитет с этой новой точки зрения был истолкован как свойство автономной и независимой воли, которой обладала личность государства. Суверенитет, как учил Гегель, есть «безусловное самоопределение воли, в которой заключается последний принцип при выборе решений». По мнению Гербера, для того, чтобы воле-

вая мощь государства вполне соответствовала бы своей идее, она должна заимствовать мотивы своего поведения не из какой-либо внешней силы, но должна находить их внутри самой себя.

По мнению автора, в данной теории допускаются некоторые методологические «неровности», в частности суверенитет рассматривается как свойство или как вид власти, что опять-таки ведет к невозможному методологическому смешению различных индифферентных рядов. А кроме того, рассмотрение суверенитета как проявления воли, хотя, конечно, и как имманентно присущей государству, но все — таки воли. В связи с чем допускается методологическая ошибка, так как воля — это понятие, сопряженное с силой и соответственно имеющее всегда онтологическое значение, тогда как суверенитет его не имеет.

С нашей позиции, суверенитет как признак государства находится в ирреальном ряду и поэтому свободен от всякой силы, а реальные ограничения власти естественны в онтологическом ряду, и поэтому к ним применима категория силы. Исходя только из этой точки зрения, по нашему мнению, допускается сосуществование данных явлений.

Резюмируя сказанное, отмечаем, что нахождение суверенитета и реальных ограничений власти в онтологическом ряду невозможно, а соответственно говорить, что в объективной действительности может существовать суверенная власть, но при этом она ограничена, должна быть ограничена или может быть ограничена (правом, законом, гражданским обществом и т.д.) нелепо и пагубно, то есть в действительности существует закономерность: желание власти распространить свое влияние на все и на всех, поскольку она суверенна, если же мы ее ограничиваем, то она утрачивает признак суверенной. Знаменательно в этом отношении требование Аристотеля не только потенциальной, но и активной независимости вовне только для идеального государства [2, с. 375-644].

1. *Алексеев Н. Н.* Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. — М.: Московское научное издательство, 1919. — 179 с.
2. *Аристотель.* Политика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. — М.: Мысль, 1983. — С. 375–644.
3. *Еллинек Г.* Право современного государства. — СПб., 1908. — 599 с.
4. *Ильин И. А.* Понятие права и силы. — М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнеров и Ко, 1910. — 38 с.
5. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. — СПб., 1914. — 573 с.
6. *Монтескье Ш.* О духе законов // Избранные произведения. — М.: Госполитиздат, 1955. — 800 с.
7. *Серов В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/encSlov/4/75.htm>.
8. *Цишковский Е. А., Кузакбирдиев С. С.* Идея народовластия в российской правовой идеологии и доктрине (критический очерк) // Органы государственной власти Российской Федерации в условиях разделения властей. — Тюмень: Изд-во Тюменского юрид. ин-та МВД РФ, 2005. — С. 97-103.
9. *Четвернин В. А.* Институциональный элемент государства // Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. В. С. Нерсисянца. — М.: Издательство НОРМА, 1999. — С. 555–565.